

ИССЛЕДОВАНИЯ

• ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ И АРХЕОГРАФИЯ

прот. Константин Костромин

К ВОПРОСУ О СРАВНЕНИИ КРЕЩЕНИЯ РУСИ И ЛИТВЫ

В третьем выпуске альманаха «Древняя Русь во времени, в лицах, в идеях. Палеоросия» была опубликована статья А. Ю. Дворниченко «Крещение Киевской Руси и Литвы в контексте постарного общества». В данной статье вопрос, поднятый петербургским историком, подвергнут дальнейшему изучению. Принятие христианства рассматривается в контексте государственного строительства на Руси в X–XI вв. и в Литве в XIII–XIV вв. Социально-политическое и экономическое развитие и международное положение Киевской Руси и Литвы были далеко не идентичными, что обусловило различие мотивации в принятии христианства. Широкие культурные контакты Руси облегчили как выбор веры в пользу христианства, так и его интеграцию в жизнь Руси. Литва же, испытывавшая влияние двух сильных соседей — Руси и Польши, — в течение долгого времени не имела свободного амбивалентного выбора и не была к нему внутренне готова, что выразилось в неустойчивой религиозной политике литовских князей XIII — начала XIV в.

Ключевые слова: язычество, выбор веры, крещение, христианизация, Русь, Литва, культура, сравнение, развитие, государство.

В третьем выпуске альманаха «Древняя Русь во времени, в лицах, в идеях» была опубликована статья А. Ю. Дворниченко «Крещение Киевской

Руси и Литвы в контексте потестарного общества»¹. Оригинальный стиль и любопытная постановка вопроса вызвали отклик и обсуждение статьи читателями альманаха. Думается, что это «приглашение к разговору» на методологически важную тему средневековой истории следует принять и продолжить поиски общего и различного в процессах принятия христианства у этих двух народов, живущих бок о бок уже более тысячелетия.

В названии статьи А. Ю. Дворниченко дается важный содержательный посыл: Крещение Руси и Литвы, согласно автору статьи, произошло в тот момент, когда общества еще пребывали в потестарном состоянии. Когда древнерусское и литовское общество были потестарными? Сам по себе термин «потестарный» применялся в теории классов и означал форму организации общественной власти доклассовых и раннеклассовых обществ, не имевших политических и государственных атрибутов и институтов, и относится к родоплеменным и общинным формациям². Ярким примером потестарности общества является функционирование только обычного права. Когда русское общество было потестарным? Очевидно, до того, как обзавелось государственными и политическими атрибутами, а также перешло к письменной фиксации законов. Уже это последнее дает возможность очень четко обозначить границу древнерусской потестарности. Появление «Закона судного людем», «Русской Правды» в нескольких редакциях, «Церковного устава» также в разных редакциях, переход к практическому применению Номоканона, в котором имелись выписки из Дигест Юстиниана говорят о хотя и ранней, но все же очевидной формализации и кодификации права и, таким образом, обозначают переход от потестарности к ранним формам государственности³.

Многочисленные древнерусские источники фиксируют появление и иных государственных институтов. Первые примеры применения кириллицы на территории Киевской Руси, фиксируемые эпиграфикой, от-

¹ Дворниченко А. Ю. Крещение Руси и Литвы в контексте потестарного общества // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Παλαιόρωσια εν χρόνω, εν προσώπω, εν ιδεί. Альманах. Вып. 3: Мат-лы научн. конф. «Равноапостольный князь Владимир и формирование русской цивилизации» (Санкт-Петербург, 23–24 сентября 2015 г.) / под ред. прот. К. А. Костромина. СПб., 2015. С. 76–84.

² См.: Попов В. А. Потестарная организация // Народы и религии мира. Энциклопедия. М., 2000. С. 895.

³ Ср.: Фроянов И. Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб.: Русская коллекция, 2015. С. 102–104, 359–369.

носящиеся к эпохе Ярополка или чуть более ранней⁴, свидетельствуют о начале формирования налоговой системы, дополняющей полюдье, как форму дани, упорядоченным учетом провозимых по пути «из варяг в греки» товаров. Поставление Ольгой и Владимиром погостов и городов по Мсте, Луге, Десне Остру, Трубежу, Суле и Стугне⁵, захват червенских городов⁶, оборудование границы с печенежской степью земляным валом с воротами⁷ — это не что иное как обозначение государственной границы. Наличие правящей династии, которая осознала себя таковой уже при Владимире (которому напоминали про решение «бабки Ольги»⁸) и точно при Ярославе («сын Владимира, внук славного Святослава», «Игорь старый»⁹), а также чеканка собственной монеты при Владимире и Ярославе подтверждают появление, хотя и в ранних, еще неустойчивых формах, государственного устройства. Все эти мероприятия или явления относятся к периоду от 945 примерно до 1000 года и позволяют утверждать, что древнерусское общество уже при Владимире перестало быть потестарным. Появление указанных атрибутов при Владимире, а некоторых и в более ранние сроки, говорит, что переход от потестарности к архаической государственности Русь прошла за очень короткий срок — за полвека. Можно сказать, что конечной точкой потестарности и начала утверждения государственности на Руси стало время ее официального крещения.

Фактор власти сильно зависит как от объективных условий ее осуществления, так и от субъективных ощущений и стремлений, а также идеалистических представлений власть предержащих. Считать термины «самовластец», *гех* или *dux* неверно передающими суть политических функций правителей Литвы, а использование автором Повести временных лет термина «самовластец»¹⁰ применительно к Ярославу Мудрому

⁴ *Медынцева А. А.* Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X — первой половины XIII века. М.: Наука, 2000. С. 201–207.

⁵ *Повесть временных лет / подг. текста, перев., статьи и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Андриановой-Перетц.* Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Наука, 1999. С. 29, 54.

⁶ *Повесть временных лет.* С. 63, 65.

⁷ *Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 4: Западноевропейские источники / сост., пер. и комм. А. В. Назаренко.* М., 2010. С. 58–59.

⁸ *Повесть временных лет.* С. 49.

⁹ *Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев: Наукова думка, 1984. С. 91.

¹⁰ *Повесть временных лет.* С. 66.

называть «неосторожным» едва ли возможно. Казалось бы, можно утверждать, что обилие разнообразных терминов отражает палитру и разнообразие политических форм и потому придает им вполне определенное и различное содержание. Однако такой ракурс взгляд на проблему приобретает в исторической ретроспективе, т. е. исходя из его современного нам состояния. А перспективный взгляд, предлагающий смотреть на исторические явления глазами их современника, ставит вопрос иначе¹¹: не факт, что применение термина древними авторами было произведено неверно (с учетом того, из какого обилия понятий приходилось им выбирать); следует разобраться, почему были применены именно такие термины и что под ними подразумевалось в данном конкретном случае.

Отдельно следует оговорить слово «самовластец» (под 6544 годом). Нельзя согласиться с тем, что летописец применил его «неосторожно» — он хорошо знал, что делает. Слово «самовластец» является калькой византийского термина «автократор», означающего (или подчеркивающего) независимость государя или государства, отсутствие ленных или иных зависимостей феодального типа от других государств и косвенно указующего на то, что этому независимому государству, в свою очередь, подчинены или находятся от него в зависимости иные народы, государства или правители¹². Эпоха Ярослава Мудрого в наибольшей степени отражает такое положение дел.

Поскольку вопрос зависимости того или иного народа или государства от другого не связан напрямую с понятием «феодализма», можно было бы этот вопрос не поднимать. Однако поскольку Средние века в теории формаций так или иначе связаны с этим понятием, необходимо вскользь коснуться и вопроса его применимости к древнерусским реалиям. Ведь термин «автократор» подразумевает именно феодальную независимость. Феодализм, как и вопрос применимости терминов, имеет две стороны медали: внутреннее желание государства/монарха считать себя феодалом и констатация современными историками факта, име-

¹¹ См.: *Костромин К., прот.* Конфессиональная поликультурность Киевской Руси начала XI века // *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Παλαιорωσια εν χρόνω, εν προσωπω, εν ιδει.* Альманах. Вып. 3. С. 48–51.

¹² См.: *Чичуров И. С.* Автократор // *Православная энциклопедия.* Т. 1. М., 2000. С. 202; *Дагрон Ж.* Император и священник. Этюд о византийском «цезарепапизме» / пер. и науч. ред. А. Е. Мусина. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 110.

ются ли признаки феодализма в древнем государстве или есть только претензия на него. Очевидно, что отношения в Древней Руси так и не вышли на уровень феодальных до зарождения дворянства и удельной системы Московской Руси, напоминая раннесредневековые «варварские королевства». Но также очевидно, что князья Владимир и Ярослав претендовали на автократический статус феодальных монархов, примеры которых в Европе были им хорошо известны. Кроме того, очевидна и тяга русских князей древнейшего периода к подражанию византийским императорам¹³.

Обозначенное выше стремление русских князей X–XI веков подражать монархическим принципам Византии или европейских государств не противоречит подмеченной исследователями данности, что в XI–XII веках на Руси были заметны элементы «полисной системы»¹⁴. При этом важно не поддаваться искушению вводить полисные элементы в систему социально-политических формаций, определяя очередность стадий развития государственности. Намного плодотворнее определять причины появления на данной территории таких условий, при которых данное государство вызревает своим неповторимым (или, напротив, «шаблонным», если таковое удастся выявить) путем. Так, идея полиса (города-государства) оригинальна и отчасти верна (если говорить о взаимоотношениях города и села в эпоху Киевской Руси), но едва ли возможно считать ее универсальным объяснением происходивших на Руси процессов. Полисы в

¹³ Подражание Византии сказалось и на правлении Владимира, который принял имя «Василий» чтобы подчеркнуть свою претензию на власть, аналогичную византийскому василевсу (*Дагрон Ж.* Император и священник. С. 45–47) и назвался «единодержцем» чтобы не отставать в титулатуре от византийского монарха. Подражание Византии в чеканке монет, в заботе о Церкви (хотя здесь сказывалось и привычное положение князя как жреца; см.: *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 17, 42) и во многом другом очевидно в эпоху Киевской Руси. Не случайно единодержцем назвал Владимира и митрополит Иларион, который также подчеркнул «багрянородность» его рождения: «Сии славный от славныхъ рождься, благородень от благородных, каганъ нашъ Влодимеръ... единодержецъ бывъ земли своеи» (*Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. С. 92; *Чичуров И. С.* Политическая идеология Средневековья. Византия и Русь. К XVIII международному конгрессу византинистов. М.: Наука, 1990. С. 129–130. Ср.: *Дагрон Ж.* Император и священник. С. 58–69).

¹⁴ *Дворниченко А. Ю., Фроянов И. Я.* Города-государства Древней Руси. Л.: ЛГУ, 1988. С. 266–267.

Греции, где они приобрели «классические» формы, создавались с учетом ландшафта, маленьких замкнутых пространств, на которых и национальные (местные) особенности будут подчеркиваться миниатюрностью любых процессов и взаимоотношений¹⁵. Русь представляет совершенно иные возможности для развития. Следовательно, причины появления «полисного» строя здесь иные, иные и последствия. Кроме того, нельзя забывать, что между архаичной системой античных полисов и Средневековьем, когда возникла Русь, лежит временная пропасть. Много изменилось и в мировоззрении европейского человека, и в его предпочтениях в области религии или общественных отношений. «Полисная система» Руси развивалась не в системе античных полисных отношений, а в средневековом феодальном окружении. Этой заданности не могли игнорировать современники, не должны игнорировать и историки.

Литва оказалась лишена «полисного этапа», как и большинство европейских государств Средневековья. Обилие городов («государств») на Руси объясняется, вероятно, особенностью организации рынка, как внутреннего, так и транзитного: сочетание большой территории со сложным этническим устройством (славянским этносом, вынужденным из-за отсутствия естественных границ «собираться» в произвольные общности, варяжскими анклавами, «вкраплением» угрофинского населения и постоянными «вливаниями» из степной полосы) и торговлей по развилкам путей «из варяг в греки» и «из варяг в арабы»¹⁶. И того, и другого были лишены европейские государства, включая Литву, в которой сначала две ее этнические общности (русская и литовская), не испытывавшие тяги к совместному этногенезу, а затем еще и поляки компактно проживали на традиционно занимаемых территориях. Таким образом, указанная особенность Руси не дает права говорить о ее «стадиальной отсталости».

Спор относительно применимости термина «государство» к раннесредневековым Литве и Руси, несомненно, научно плодотворен. Однако необходимо отметить, что наименование Литвы государством имеет не больше оснований, чем наименование государством Руси. Отсутствие самобытной письменной культуры, писанного закона (хотя бы и в архаиче-

¹⁵ Становление и развитие раннеклассовых обществ (город и государство) / под ред. Г. Л. Курбатова, Э. Д. Фроянова, И. Я. Фроянова. Л., 1986. С. 34–35.

¹⁶ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1946. С. 20–24; Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. С. 273.

ских формах), а также сложившегося внутреннего рынка до определенного этапа не дает возможности назвать диктатуру Миндовга (например) государством. Относительно же уровня государственного развития Руси в IX–XI веках спор в научной среде продолжается и пока далек от консенсуса.

Степень развитости государства находится в некоторой зависимости от особенностей функционирования религиозных институтов. Конечно, язычество Руси X века похоже на язычество Литвы в XII веке. Но последнее осталось без поддержки со стороны соседей, равно как и взаимовлияние имело место только в эпоху, когда славянский этнос вплотную приблизился к проблеме государственного строительства, в то время как литовские народности находились еще на начальных этапах формирования. Изоляция, в которой оказалась языческая культура Литвы после почти единовременной христианизации Руси, Польши и Скандинавии — т. е. ближайшего окружения, способствовала консервации религиозных форм. В то же время, согласие Литвы — от вождей до крестьян — на такое противопоставление соседям должно иметь объяснение. Двумя равнозначными основополагающими факторами в том, что религия литовцев оказалась вполне жизнеспособной, несомненно, были социальная отсталость Литвы в сравнении с соседями (этнос еще не «дорос» до осознания необходимости перехода из национальной религиозной среды в международную, приняв одну из мировых религий, и замены примитивного религиозного культа высокоразвитым с точки зрения религиозно-философской мысли и материальной культуры¹⁷) и желание создать контртезу этим самым соседям, что поставило бы до поры ощутимый барьер в культурно-государственной экспансии Польши, Руси и Швеции на территории Литвы. Ярчайшей иллюстрацией к этому противопоставлению Руси и Литвы служит тот факт, что отказ от христианства Миндовга не имеет параллелей в русской истории: здесь не возникло своего «Юлиана Отступника», что говорит о разности обстоятельств, приведших к крещению Владимира и Миндовга.

Следует, однако, оговорить, что и этих двух факторов сохранения литовской самобытности и сдерживания внешних влияний оказалось недостаточно, что продемонстрировала судьба северной Прибалтики,

¹⁷ *Кривелев И. А.* История религий. Т. 1. М.: Мысль, 1975. С. 57–59. — Национальный политеизм как культурно-мировоззренческая религиозная система занимает низкую ступень в иерархии религиозных форм, уступая в качестве мировым монотеистическим или пантеистическим религиям.

где на населенной столь же отстававшими в социальном и религиозном отношении эстами и латгалами территории обосновался германский Ливонский орден¹⁸. Третьим необходимым компонентом должно было стать формирование этноса. И хотя литовский этнос сформировался довольно поздно, уже декларированное выше триединство литовцев, поляков и русов, очевидно, играло в конце XIII–XIV веках определенную скрепляющую и охранительную роль и в формировании этнического самосознания¹⁹. На момент принятия христианства Русь и Литва находились примерно на одном уровне социо-политического развития и уже вышли из стадии устойчивого общинно-родового социального устройства. И там, и здесь крещение князей и народа пришлось на переходную стадию от родового к государственному устройству, в котором родо-территориальный принцип заменялся на государственно-территориальный.

Казалось бы, являясь своего рода «религиозной реформой», принятие христианства на Руси может быть поставлено в один типологический ряд с другими культовыми, языческими реформами. Однако этому мешает качественный аспект этой «реформы». Очевидно, что, помимо прочих, одной из причин принятия христианства князем Владимиром были неудовлетворительные результаты предыдущей языческой реформы 980 года. Именно поэтому в истории Руси нет прецедентов, когда кто-либо из князей попытался бы обратить эту «последнюю реформу» вспять. Нельзя отмахнуться и от того, что эта была последняя реформа в своем роде. Это значит, что ее результаты удовлетворили князей Древней Руси. Страдание Бориса и Глеба и осмысление их подвига современниками и ближайшими потомками как кенозиса обозначили смысловое завершение всяких религиозных реформ окончательным принятием христианских этико-мировоззренческих доминант, которые точнейшим образом отразили уже сформированную древнерусскую философию бытия²⁰. В Литве дело обстояло совершенно иначе. Откаты назад, в язы-

¹⁸ Тихомиров М. Н. Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII–XV вв. [М.:] ОГИЗ, Госполитиздат, 1941. С. 6–11 и др.

¹⁹ Пащуто В. Т. Страны Балтийского региона // Он же. Русь. Прибалтика. Папство / Древнейшие государства Восточной Европы, 2008 год. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2011. С. 367–370.

²⁰ Федотов Г. П. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 10: Русская религиозность. Ч. 1. Христианство Киевской Руси. X–XIII вв. М.: Мартис, Sam&Sam, 2001. С. 95–125; Петров А. В. К изучению литературных тенденций русской летописной историографии // Пробле-

чество, свидетельствуют, что принятие христианства здесь не было, как на Руси, онтологически обусловлено, воспринималось как временное и, в общем-то, второстепенное явление.

Фундаментальное различие в понимании веры как таковой, ставшее базой для отношения социума к принимаемому княжеской властью христианству, дало и различное отношение к оставляемому или сохраняемому язычеству. Особенности развития Древней Руси, в которой процесс урбанизации превосходил аналогичные показатели, как в «стартовавшей» ранее Европе²¹, дали возможность национальному христианству вызреть, а социуму — привыкнуть к христианству как к своей национальной вере. Когда же христианство стало восприниматься как неизбежная перспектива, сложилось такое явление, как двоеверие²².

Хотя памятники древнерусской письменности XI века демонстрируют полное отсутствие интереса к язычеству, «возврат» к нему в XII веке создает обманчивое впечатление чужеродности христианства на языческой основе²³. То, что «охристианенное язычество» — миф, с очевидностью следует из того, что славянская письменность так и не была применена для фиксации языческих литературных произведений. Поэтому глубоко верно А. В. Петров охарактеризовал складывавшуюся ситуацию «смешения» языческих и христианских элементов, подобно тому (доба-

мы исторического регионоведения: Сб. научн. тр. к 70-летию проф. В. И. Хрисанфова / отв. ред. Ю. В. Кривошеев. СПб.: Скифия-принт, 2009. С. 19–58.

²¹ На 250 древнерусских городов XI века приходится 120 городов Германии, при том, что Германия была в XI веке одной из наиболее развитых стран Европы и по территории не уступала Киевской Руси (*Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 20–24; Самаркин В. В. Историческая география Западной Европы в Средние века. М.: Высшая школа, 1976. С. 97*).

²² Ср. мнение А. М. Панченко: «В современной историко-филологической терминологии оно означает синтез язычества и христианства. Между тем Феодосий Печерский (а значит, и вообще интеллигенция Киевской Руси) понимал под “двоеверием” нечто совсем иное, а именно конфессиональную терпимость... Терпимость способствовала “усложнению структуры древнеславянской духовной культуры”, позволяла синтезировать элементы ахристианские и христианские, восточные и западные, греческие, славянские и латинские» (*Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000. С. 333*).

²³ *Гордиенко Н. С. «Крещение Руси»: факты против легенд и мифов. Poleмические заметки. Л.: Лениздат, 1984. С. 93–110; Никольский Н. М. История Русской Церкви. М.: Политиздат, 1988. С. 27–31.*

вим от себя), как смешались «вчерашние» городские жители-христиане и сельчане-язычники в ходе социальных катаклизмов XII века. «Сплава язычества с христианством в средневековой Руси не было. Реконструируемый в Великом Новгороде (с древнейших времен до XVII в.) институт традиционной вражды и соперничества ни с чем в христианстве «слиться» или «сомкнуться» не мог, архаические воззрения на огонь и пожары — тоже. То, что не могло быть десемантизировано, выдавливалось, изгонялось, искоренялось, — долго, порою целые столетия. Века этой борьбы логичнее определять как время сосуществования разорванных культурных пластов, время раздвоения <...> общественного сознания и, вместе с тем, время накопившихся успехов христианизации в религиозно-моральном и политическом аспектах. Русское средневековье — и пора противоборства с язычеством, и история постепенно нравственного торжества христианства»²⁴.

Литва не знала как рывка в социальном развитии в виде урбанизации, который дал бы литовскому христианству цивилизационную основу, так и сходного явления «двоеверия», ибо насильственная христианизация по католическому образцу в XIV веке предполагала агрессивную нетерпимость к языческим реликтам, которые были насильственно вычищены в литовском обществе. В то же время, Литве чужды как мирная победа культурно и морально более высокого христианства над более примитивным язычеством, так и естественность появления здесь христианства как такового.

Однако в дальнейшем — в XIV–XV веках, а также в последующие эпохи — на Руси и в Литве можно сравнивать «итоговые» результаты христианизации, и они будут во многом сходными! Языческие элементы всегда продолжают быть видны в эпосе, однако они были уже совершенно несходными с изначальной религиозной системой. Народные ритуалы и фольклор, записанные в России (как и в Литве) в XIX веке, оказались совершенно секулярными, лишёнными сакрального содержания, имевшегося в них ранее — в эпоху дохристианскую и раннехристианскую. Магизм же, присущий народной культуре, является показате-

²⁴ *Петров А. В.* Новгородские юродивые Николай Кочанов и Федор и их «распря» // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Παλαιорωσια εν χρόνω, εν προσωπω, εν ειδει. Альманах. Вып. 2: Мат-лы научн. конф. «Преподобный Сергий Радонежский: личность в контексте эпохи и история его почитания» (Санкт-Петербург, 1–3 октября 2014 г.) / под ред. свящ. К. Костромина. СПб.; Казань, 2014. С. 71.

лем не содержания народных верований — христианского или языческого, — а качества или уровня религиозного развития²⁵.

Однако далеко не только внутреннее состояние влияло на становление государств, пришедших к необходимости принять крещение, но и внешнее. Так, крещение князя Владимира, ставшее отправной точкой окончательного крещения Руси, было поставлено в зависимость от внешних факторов не только сторонним наблюдателем Яхъей Антиохийским, но и автором Корсунской легенды²⁶. Нужно принимать во внимание, что в эпоху крещения Руси на территории Восточной Европы наблюдалось практически бесконфликтное взаимодействие латинской, греческой и славяно-христианской культур, ислама и иудаизма (на русско-болгарской и в хазаро-русской в позднейшую эпоху ее существования границе), язычества Скандинавии и Прибалтики (речь не идет о процессе христианизации, предполагавшем борьбу христианства с язычеством)²⁷. Эпоха активного миссионерства латинской традиции и относительной свежести кирилло-мефодиевской традиции в Болгарии и Чехии подчеркивали эту довольно мирную конфессиональную ситуацию²⁸. Арабовизантийский (в последнее столетие), болгаровизантийский (в годы правления Петра и Самуила Болгарских) и русско-хазарский конфликты были чисто политическими, а напряжение между Константинополем и Римом было в тот момент минимальным²⁹.

²⁵ *Мень А., прот.* Магизм и единобожие. Религиозный путь человечества до эпохи великих Учителей / В поисках Пути, Истины и Жизни. Т. 2. М.: Фонд имени Александра Меня, 2005. С. 79–81.

²⁶ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. Восточные источники / *сост.* Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 105–107; Повесть временных лет. С. 59–52; *Шахматов А. А.* Жития князя Владимира. Текстологическое исследование древнерусских источников XI–XVI вв. / подг. текста Н. И. Милютенко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. С. 138–139, сл.

²⁷ См.: *Christianization and the Rise of Christian Monarchy: Scandinavia, Central Europe and Rus' c. 900–1200 / ed. by N. Berend.* Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 1–72.

²⁸ Христианство в странах Восточной, Юго-восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия / *отв. ред. Б. Н. Флоря.* М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 35–59, 133–139.

²⁹ *Byzantium. An introduction to East Roman civilization / ed. by N. H. Baynes, L. B. Moss.* Oxford, 1961. P. 317, 354; *Сахаров А. Н.* Дипломатия Святослава. М.: Международные отношения, 1982. С. 95–101; *Бармин А. В.* Polemica и схизма. М.: Институт философии,

В эпоху крещения Литвы этот конфликт был уже совершенно взрывшим и приведшим к разделению Церкви как юридически, так и культурно³⁰. Граница между православием и католицизмом протянулась через всю Восточную Европу, дотянувшись уже до Скандинавии, и была весьма болезненной. Иных культурных границ Литва не знала, как не видела и мира внутри христианского мира. Эпоха активного и чистого миссионерства давно кончилась, а сами христианские традиции уже перешли в фазу костенения³¹. Литву окружали агрессивные Речь Посполитая и Ливонский орден с одной стороны и слабые православные державы с другой — порабощенная и раздробленная Русь, разбитые Болгария и Сербия, порабощенная немцами латинизированная Чехия. Важной особенностью положения Литвы было отсутствие выходов к морю. Речные пути на Балтику контролировались северными крестоносцами и поляками, а пути к Черному морю были перекрыты монголами. Литва не «кормилась» с крупных торговых путей, наподобие пути «из варяг в греки», что также затрудняло формирование не только внешнего, но и внутреннего рынка, изрядного подспорья процессу христианизации (в частности, это было, очевидно, главной причиной того, что в Киеве Церковь была обеспечена княжеской десятиной, формировавшейся в том числе из доходов от транзитной торговли³²; в Литве, где таких доходов не было, пришлось перевести Церковь на «подножный корм» — церковное землевладение). К сказанному также нужно добавить, что и геополитически ситуация в конце X и в XIII веке сильно различалась. В XIII веке не было такого мощного «промоутера» православия — Византии, как ее назвал А. Ю. Дворниченко³³, слабой стала Священная Римская империя.

теологии и истории св. Фомы Аквинского, 2006. С. 500.

³⁰ Православная Византия и латинский Запад. К 950-летию разделения Церквей и 800-летию захвата Константинополя крестоносцами. Междунар. церковн.-научн. конф. Москва, 26–27 мая 2004 г. Сб. мат-лов. М., 2005. С. 11, 92 и др.; Рамм Б. Я. Папство и Русь в X–XV веках. М.; Л.: АН СССР, 1959. С. 85–179.

³¹ Скабалланович М. Толковый Типикон. Объяснительное изложение Типикона с историческим введением. Вып. 1–3. М.: Паломник, 1995. Ч. 1. С. 372–375, 395–396, 399.

³² Костромин К. А. Происхождение древнерусской церковной десятины и западноевропейские аналоги // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Палаиорωσια εν χρονω, εν προσωπω, εν ειθει. Альманах. Вып. 1 / под ред. П. И. Гайдено. СПб.; Казань, 2014. С. 35–62.

³³ Дворниченко А. Ю. Крещение Руси и Литвы в контексте постстарного общества. С. 77.

Франция мало интересовалась Восточной Европой и была еще далека от единства и могущества. Отсутствие сильных геополитических фигур в XIII веке дало возможность Польше набрать влияние в регионе, что было невозможно ранее. Но прекратились и значительные культурные влияния базовых европейских культур. В X веке Русь ощущала мощное миссионерское влияние, в то время как Литва должна была выбирать христианство сама. Сильное папство в этом не участвовало, играя роль прежде всего политической силы.

Желание литовского этноса отгородиться от своих соседей из-за угрозы военной или культурной экспансии было совершенно резонансным. Русь приняла христианство именно как «иноземную» религию, которую, правда, давно искала по собственной инициативе. Более того, если Византия не навязывала христианство тем народам, с которыми она вступала в дипломатические, военно-союзнические или торговые отношения, то Франкское (а затем и Восточно-Франкское) королевство организовало на своих восточных границах отлично подготовленную миссию, которая успешно христианизировала прирейнских германцев, полабских славян, моравов, венгров, поляков и в конечном итоге придвинулось к границам Руси³⁴. В этом контексте можно вспомнить о т. н. «Фотиевом крещении Руси» как примере давних попыток Руси найти возможность принять христианство. Эти попытки уходят и в более глубокое прошлое, если соответствующим образом интерпретировать посольство русов в Константинополь и Ингельгейм 839 года, уже тогда интересовавшееся возможностью выбора между восточным греческим и западным латинским изводами христианской традиции. Ситуация выбора имела место и позднее — от посольств княгини Ольги до поездок по Европе Изяслава Ярославича³⁵.

Отметив позитивный характер поиска веры на Руси, нельзя не отметить, что подобных инициатив мы не встретим в литовской истории. В отличие от Руси, Литва не искала возможностей принять христианство,

³⁴ Иванов С. А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 332–337; Христианство в странах Восточной, Юго-восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. С. 35–59.

³⁵ Костромин К. А. Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.). Страницы истории межконфессиональных отношений. Saarbrücken: LAP, 2013. С. 41–70.

не выбирала наиболее подходящей традиции, а лишь дождалась момента, когда внешнее влияние пересилило внутреннее сопротивление. Более того, попытки нескольких латинских миссионеров, таких, как Адальберт Пражский и Бруно Квертфуртский, проповедовать Христа среди литовских племен закончились их гибелью³⁶. На этом фоне крещение Миндовга выглядит не как успешное завершение многочисленных попыток подняться до уровня христианской культуры, морали и политических последствий, но как тактический ход, принесший сиюминутные выгоды. Этим своим характером «временное» крещение Миндовга контрастирует с крещением Владимира и Руси. В отличие от Руси, где принятие крещения немедленно и в крещендирующем темпе привело к формированию самобытной, высококачественной национальной культуры, крещение Миндовга не привело к заметным культурным сдвигам в Литве. Каменное зодчество, носившее в Литве значительно более секулярный характер, нежели на Руси, развивалось куда медленнее, чем древнерусское³⁷. Появление национальной письменности также не связано с крещением Миндовга или кого-либо из князей, а не торопясь развилось благодаря влияниям извне. Отсутствие прямой зависимости развития литовской культуры от принятия христианства, столь заметной на Руси, отчетливо показывает, что различие последствий крещения стало результатом разного отношения к христианству и разных мотиваций к его принятию. Также следует сделать вывод и о том, что уровень развития Литвы в XIII веке был заметно ниже уровня развития Руси в конце X, в том числе общественного. Средневековое государство не могло состояться без появления письменности, которая, в свою очередь, не могла не носить религиозного характера. Таким образом, до крещения и до появления письменности Литва не может считаться ничем иным, кроме как союзом племен.

Чем же обуславливался выбор веры литовскими князьями, с учетом того, что им самим непосредственно христианство не представлялось

³⁶ Кибинь А. С. От Ятвязи до Литвы: политические и социокультурные трансформации в бассейне верхнего Немана в X–XIII веках. М.: Квадрига, 2014. С. 50, 71–90.

³⁷ Всеобщая история архитектуры: в 12 т. Т. 4: Архитектура Западной Европы: Средние века / под ред. А. А. Губера, Н. Д. Колли, П. Н. Максимова, И. Л. Маца и др. Л.; М.: Издательство литературы по строительству, 1966. С. 628–634; Всеобщая история архитектуры: в 12 т. Т. 6: Архитектура России, Украины и Белоруссии: XIV — первая половина XIX вв. / под ред. П. Н. Максимова, А. И. Власюка, А. А. Кипарисовой, Ю. А. Нельговско-го и др. М.: Издательство литературы по строительству, 1968. С. 453–463.

столь уж необходимым? Не последнюю роль в этом играл агрессивный характер политики католических рыцарских орденов, занимавшихся оккупацией Прибалтики³⁸. Русское православие оказалось, на контрасте с немецким католицизмом XII–XIII веков, куда более привлекательной альтернативой. Принятие литовскими князьями православия объясняется также значительным позитивным культурным влиянием, которое Русь оказывала на Литву посредством русских земель, вошедших в Великое княжество Литовское. Именно поэтому какое-то время православие здесь скорее соперничало с язычеством, чем с католицизмом.

Однако долго так продолжаться не могло. Православие воспринималось литовскими властями как «русское влияние», которое так или иначе вовлекает их в русские дела. Нежелание их становиться участниками спор русских князей породило борьбу за создание отдельной Литовской митрополии. Литовские князья не хуже Александра Невского понимали, что русское православие — это важнейший элемент русского этногенеза с XIII века, и оно же — основа для восстановления политического единства в едином государстве. Принятие православия Литвой могло рассматриваться в качестве альтернативы католицизму во второй половине XIII — начале XIV века, если перспективу усматривать в объединении Руси вокруг Вильно. Но с началом усиления Москвы и все большей умозрительности будущего Литовского княжества как центра Руси принятие Православия (и переноса в нее митрополии) стало грозить опасностью подпасть в относительно недалеком будущем под власть Москвы, что Литва считала для себя невозможным. Уходом от этой же опасности было оформление унии с Польшей, что сделало неизбежным принятие католицизма. Эта зависимость от сильного (не только в военном, но и в культурном отношении) соседа косвенно подтверждает тезис и о слабом уровне государственного развития Литвы в XIII–XIV веках.

Можно признать, что сравнительный анализ крещения Руси и Литвы приносит положительные плоды, позволяя выявить важные факторы в принятии христианства, и выяснить, какие являются второстепенными. Очевидно, что это направление научных поисков требует дополнительных изысканий.

³⁸ Тихомиров М. Н. Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII–XV в. С. 8–15.

Источники и литература

1. Byzantium. An introduction to East Roman civilization / ed. by N. H. Baynes, L. B. Moss. Oxford, 1961.
2. Christianization and the Rise of Christian Monarchy: Scandinavia, Central Europe and Rus' c. 900–1200 / ed. by N. Berend. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
3. Бармин А. В. Полемика и схизма. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы Аквинского, 2006.
4. Всеобщая история архитектуры: в 12 т. Т. 4: Архитектура Западной Европы: Средние века / под ред. А. А. Губера, Н. Д. Колли, П. Н. Максимова, И. Л. Маца и др. Л.; М.: Издательство литературы по строительству, 1966.
5. Всеобщая история архитектуры: в 12 т. Т. 6: Архитектура России, Украины и Белоруссии: XIV — первая половина XIX вв. / под ред. П. Н. Максимова, А. И. Власюка, А. А. Кипарисовой, Ю. А. Нельговского и др. М.: Издательство литературы по строительству, 1968.
6. Гордиенко Н. С. «Крещение Руси»: факты против легенд и мифов. Polemические заметки. Л.: Лениздат, 1984.
7. Дагрон Ж. Император и священник. Этюд о византийском «цезарепапизме» / пер. и научн. ред. А. Е. Мусина. СПб.: Нестор-История, 2010.
8. Дворниченко А. Ю. Крещение Руси и Литвы в контексте потестарного общества // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Παλαιρωσια εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει. Альманах. Вып. 3: Мат-лы научн. конф. «Равноапостольный князь Владимир и формирование русской цивилизации» (Санкт-Петербург, 23–24 сентября 2015 г.) / под ред. прот. К. А. Костромина. СПб., 2015. С. 76–84.
9. Дворниченко А. Ю., Фроянов И. Я. Города-государства Древней Руси. Л.: ЛГУ, 1988.
10. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. Восточные источники / сост. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009.
11. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 4: Западноевропейские источники / сост., пер. и комм. А. В. Назаренко. М., 2010.
12. Иванов С. А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? М.: Языки славянской культуры, 2003.
13. Кибинь А. С. От Ятвязи до Литвы: политические и социокультурные трансформации в бассейне верхнего Немана в X–XIII веках. М.: Квадрига, 2014.
14. Костромин К. А. Происхождение древнерусской церковной десятины и западноевропейские аналоги // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Παλαιρωσια εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει. Альманах. Вып. 1 / под ред. П. И. Гайденко. СПб.; Казань, 2014. С. 35–62.
15. Костромин К. А. Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.). Страницы истории межконфессиональных отношений. Saarbrücken: LAP, 2013.

К вопросу о сравнении Крещения Руси и Литвы

16. *Костромин К., прот.* Конфессиональная поликультурность Киевской Руси начала XI века // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Παλαίωροσια εν χρόνω, εν προσώπω, εν είδει. Альманах. Вып. 3: Мат-лы научн. конф. «Равноапостольный князь Владимир и формирование русской цивилизации» (Санкт-Петербург, 23–24 сентября 2015 г.) / под ред. прот. К. А. Костромина. СПб., 2015. С. 48–51.
17. *Кривелев И. А.* История религий. Т. 1. М.: Мысль, 1975.
18. *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005.
19. *Медынцева А. А.* Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X — первой половины XIII века. М.: Наука, 2000.
20. *Мень А., прот.* Магизм и единобожие. Религиозный путь человечества до эпохи великих Учителей / В поисках Пути, Истины и Жизни. Т. 2. М.: Фонд имени Александра Меня, 2005.
21. *Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев: Наукова думка, 1984.
22. *Никольский Н. М.* История Русской Церкви. М.: Политиздат, 1988.
23. *Панченко А. М.* О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000.
24. *Пашуто В. Т.* Страны Балтийского региона // Он же. Русь. Прибалтика. Папство / Древнейшие государства Восточной Европы, 2008 год. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2011. С. 367–370.
25. *Петров А. В.* К изучению литературных тенденций русской летописной историографии // Проблемы исторического регионоведения: Сб. научн. тр. к 70-летию проф. В. И. Хрисанфова / отв. ред. Ю. В. Кривошеев. СПб.: Скифия-принт, 2009. С. 19–58.
26. *Петров А. В.* Новгородские юродивые Николай Кочанов и Федор и их «распря» // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Παλαίωροσια εν χρόνω, εν προσώπω, εν είδει. Альманах. Вып. 2: Мат-лы научн. конф. «Преподобный Сергей Радонежский: личность в контексте эпохи и история его почитания» (Санкт-Петербург, 1–3 октября 2014 г.) / под ред. свящ. К. Костромина. СПб.; Казань, 2014. С. 58–73.
27. Повесть временных лет / *подг. текста, пер., ст. и комм. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Андриановой-Перетц.* Изд. 2-е, исправ. и доп. СПб.: Наука, 1999.
28. *Попов В. А.* Потестарная организация // Народы и религии мира. Энциклопедия. М., 2000. С. 895.
29. Православная Византия и латинский Запад. К 950-летию разделения Церквей и 800-летию захвата Константинополя крестоносцами. Междунар. церковн.-научн. конф. Москва, 26–27 мая 2004 г. Сб. мат-лов. М., 2005.
30. *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X–XV веках. М.; Л.: АН СССР, 1959.
31. *Самаркин В. В.* Историческая география Западной Европы в Средние века. М.: Высшая школа, 1976.
32. *Сахаров А. Н.* Дипломатия Святослава. М.: Международные отношения, 1982.

протоиерей Константин Костромин

33. Скабалланович М. Толковый Типикон. Объяснительное изложение Типикона с историческим введением. Вып. 1–3. М.: Паломник, 1995. Ч. 1.
34. Становление и развитие раннеклассовых обществ (город и государство) / под. ред. Г. Л. Курбатова, Э. Д. Фроянова, И. Я. Фроянова. Л., 1986.
35. Тихомиров М. Н. Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII–XV вв. [М.:] ОГИЗ, Госполитиздат, 1941.
36. Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1946.
37. Федотов Г. П. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 10: Русская религиозность. Ч. 1. Христианство Киевской Руси. X–XIII вв. М.: Мартис, Sam&Sam, 2001. С. 95–125.
38. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.
39. Фроянов И. Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб.: Русская коллекция, 2015.
40. Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия / отв. ред. Б. Н. Флоря. М.: Языки славянской культуры, 2002.
41. Чичуров И. С. Автократор // Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 202.
42. Чичуров И. С. Политическая идеология Средневековья. Византия и Русь. К XVIII Международному конгрессу византинистов. М.: Наука, 1990. С. 129–130.
43. Шахматов А. А. Жития князя Владимира. Текстологическое исследование древнерусских источников XI–XVI вв. / подг. текста Н. И. Милютенко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.